

МОСКВА
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

1974

Т И Р У К У Р А Л

ПРАВЕДНОСТЬ МУДРОСТЬ ЛЮБОВЬ

Избранные афоризмы

Перевод с тамильского
Алева Ибрагимова

Предисловие и комментарии

А. Ибрагимова

Редакция

П. Сомасундарама

Художник

Г. Поплавский

© Издательство

«Художественная литература», 1974 г.

НА ПЛОТУ ВРЕМЕНИ

Во всей мировой литературе едва
ли можно отыскать собрание
афоризмов, равное этому по вы-
сокой мудрости.

Альберт Швейцер
«Индийская мысль и
ее развитие»

Бывают книги, созданные одним человеком, которые со столь потрясающей глубиной и силой выражают сокровенные мысли, чувства и чаяния целого народа, что становятся как бы общенародным творением.

Такая книга — «Тирукурал», дословно — «Священный курал».

«Тирукурал» одинаково близок и ученому — знатоку древних текстов, и простому крестьянину на юге Индии.

И не только им,— знаменитый сборник афористических двустиший-куралов давно уже победоносно шествует по всему миру. По единодушному мнению всех индийских и европейских литературоведов, это наиболее выдающееся произведение тамильской литературы. А литература эта велика и по своему объему, и по значению. Появлению «Тирукурала» предшествовало многовековое развитие тамильской литературы в благоприятных условиях почти не подвергавшейся нашествиям захватчиков и завоевателей Южной Индии. Существует множество преданий и легенд, своей поэтичностью как бы восполняющих недостаток точных сведений. Эти предания и легенды рассказывают, что некогда в стране тамиллов, населяющих крайний юг Индии, было три литературных академии—три сангама. В первом сангаме,—возглавлял его грамматик Агастья,—имел честь состоять и сам великий бог Шива. Членом второго сангама являлся другой грамматик—Толькаппияр, лицо вполне реальное. О третьем сангаме те же легенды и предания рассказывают, что его члены сидели на волшебном плоту. Когда Валлювар, которого традиция считает создателем «Курала», положил на этот плот пальмовые листья с вырезанными на них двустишиями (таковы были тогдашние книги), плот уменьшился до размеров его рукописи, а все члены сангама оказались в воде. Вынужденные признать явное превосходство Валлювара, они сплели венок стихо-

творений в его честь («Тируваллювамалей»). Сквозь поэтический туман, окутывающий третью литературную академию, проступают и некоторые черты достоверности. От тех дней сохранились антологии «Еттутохей», «Паттупатты», «Падиненкижжанаккы», где собраны стихи многих сотен поэтов,—неопровержимое свидетельство бурного расцвета поэзии.

К величайшему сожалению, все, что касается личности автора и даже времени создания «Курала», представляет собой трудно разрешимую загадку. Мы вынуждены довольствоваться все теми же легендами и преданиями, не в силах извлечь зерно истины, которое, вполне вероятно, в них заключается.

Рассказывают, что творец «Курала» был сыном брахмана и женщины из низшей касты.

Возможно, он был, как Кабир, ткачом, возможно, принадлежал к земледельческой касте велляланов, но наиболее вероятной считается его принадлежность к касте валлюванов — неприкасаемых, служителей культа, поэтому его и называют Валлюваром или Тируваллюваром. Верно это или нет, есть веские основания полагать, что он был выходцем из низших групп тогдашнего индийского общества.

Жил автор «Курала» — по общепринятой традиции и мы будем называть его Валлюваром — скорее всего в Майлапуре.

Споры идут и о его религии. Был ли он правоверным индуистом или джайном? Спорящие стороны приводят в доказательство своей правоты достаточно убедительные доводы, поэтому решить этот вопрос едва ли возможно.

Когда был написан «Курал»? И здесь существуют самые различные предположения, диапазон которых колеблется между II—I веками до н.э. и X веком н. э. Наиболее обоснованной представляется точка зрения известного тамильского ученого Ваяпури Пиллея, считающего, что «Курал» создан в VI веке н.э.

«Тирукурал» состоит из трех книг: «Праведность», «Мудрость», «Любовь». Каждая из книг поделена на главы — по десять куралов в каждой. Внимательный читатель без труда заметит противоречия в структуре, противоречия, наталкивающие на естественное подозрение о том, что расчленение на книги и главы — дело рук не самого автора, а его многочисленных позднейших комментаторов. Это подозрение влечет за собой и другое: не добавляли ли комментаторы собственные стихи, для того чтобы строго выдержать заданную схему.

Книга «Праведность» открывается традиционным вступлением, первая глава которого посвящена всевышнему:

Любой алфавит начинается с «а» неизменно.

Так бог изначален, владыка вселенной,—

провозглашает Валлювар.

Религия в Индии всегда содержала в себе элементы философии, этики. Поэтому, отдавая дань всевышнему, подвижничеству, благочестию, создатель «Курала» воспекает необходимые не только отшельнику-подвижнику, но и любому мирянину качества: гостеприимство, доброе слово, благодарность, правдивость. Замечательны главы, посвященные самому мирянину, его жене и—особенно—детям. В книге «Мудрость» содержится богатейший материал для историков—множество любопытных сведений о тогдашнем общественном устройстве. Эту книгу принято считать наставлением царю-правителю. Однако многие главы,—например, «Выбор времени» или «Выбор места»,—могут относиться к любому человеку, предпринимающему какое-нибудь дело.

В книге «Мудрость» аскет-подвижник уступает место мирянину, пронырливому, многоопытному, признающему уместность и необходимость быть то гибким, то твердым, то осторожным, то решительным. Автор перевопло-

щается настолько полно, что советы праведника нередко приходят в столкновение с советами мудреца. Если в главе «Терпение» из первой книги рекомендуется «навекы отместь память» об обидах, то в главе «Выбор времени» (вторая книга) содержится прямо противоположное наставление:

Терпенье заимствуй у цапли, стоящей в грязи.
Удобного мига дождись — и рази.

Валлювар подробно описывает требования, которым должен отвечать властитель страны; среди них — бесстрашие, щедрость, мудрость, праведность.

Весь мир охраняет властитель, чуждаясь обмана, —
Ему ж самому справедливость — охрана.

Рисуя идеал царя добролюбивого, Валлювар решительно изобличает владык, обирающих народ, подобно грабителям с большой дороги.

Свои представления у поэта о том, какими надлежит быть министрам, советникам, посланникам. Не забывает он упомянуть и о соглядатаях, которых, вместе со сводами законов, именует «двумя глазами» государя.

Лучшее из государств, по мнению творца «Кура-ла», — то, которое способно устоять перед врагами, а будучи опустошенным, вновь добиваться процветания. И лишь та

армия истинно доблестная, что не дрогнет и перед лицом
самого бога смерти.

В книге «Мудрость» множество морально-этических
назиданий: об упорстве, решимости, стойкости в преодо-
лении несчастий, о выборе надежных друзей, о воздер-
жании от распутства, от пристрастия к азартным играм
и вину.

Знаменит курал из главы «Величие». Как глашатай под
барабанный бой, возвещает он всеобщее равенство:

Живущие все от рожденья равны. Искони
Деяньями только различны они.

Обращает на себя внимание настойчивость, с которой
Валлювар возвращается к теме богатства и бедности. Бо-
гатство, считает он, дается лишь для того, чтобы помогать
нуждающимся:

Богатство скупца, что ни с кем не желает делиться,—
Подобно красавице, вечной девице.

И сейчас нельзя читать без волнения его обжигающие
строки о нищете и бедности:

Порой и на ложе пылающем спят бестревожно,
Но с мыслью о бедности спать невозможно.

И еще:

На нищенство волей своей обрекающий мир,
Да сгинет Творец, обездолен и сир!

Если в первых двух книгах Валлювар проповедует любовь ко всему сущему, ту самую любовь, которую выдает «слеза сострадания», то в третьей своей книге он обращается к любви в более узком смысле этого слова. Мало связанные между собой двустииши образуют своеобразную поэму, в которой изображено постепенное развитие любовного чувства. Возлюбленные делятся своими тайнами, *он* — с другом, *она* — с подругой. Кто эти *он* и *она* — разгадать трудно; несомненно только, что герой занимает достаточно высокое положение в обществе, а героиня, блистающая золотыми украшениями, отнюдь не бедна. Вот их первые, по-видимому, еще случайные встречи. Герой сражен «воинственным взглядом» героини. Вспыхивает взаимная любовь. Возлюбленные встречаются все чаще и чаще. Родители, очевидно, противятся их союзу, сами же они — не в силах бороться с охватившим их чувством — совершают особый обряд «езды на пальмовом коне», заключив широко распространенный в древней Индии вольный брак. Семейная жизнь их, к сожалению, омрачается частыми отлучками супруга, который принимает участие в походах для пополнения своей пустующей казны. Ситуация самая обычная. Намечена она лишь легкими штрихами, многое здесь предоставляется угадать самому читателю. За свои усилия он будет щедро вознагражден поэтичностью книги «Любовь».

Древнеиндийская литература, как и ваяние, носила нередко откровенно эротический характер. Достаточно вспомнить, например, санскритский трактат о любви «Камасутру», чтобы в полной мере оценить благородную, целомудренную сдержанность последней книги. Только как забавный анекдот можно теперь вспомнить ханжеское смущение одного из первых переводчиков «Курала» на английский язык — преподобного Дрю, который в своем вступлении к переводу (1840 г.) писал, что книгу «Любовь» «невозможно перевести ни на один европейский язык без риска подвергнуться упрекам в нецеломудрии». В этой книге Валлювар проявил себя истинным поэтом и глубоким психологом, умеющим проникнуть не только в мужскую, но и в женскую душу с тем же искусством, с каким знаменитые индийские танцовщики исполняют женские роли.

Останавливаясь столь подробно на содержании всех трех книг, мы стремимся создать у читателя возможно более целостное представление о «Курале»; это тем более важно, что в настоящем издании он познакомится лишь с избранными главами. В основе отбора — желание сохранить все художественно ценное, наиболее глубокое и значительное, стремление показать, что «Тирукурал» не только памятник далекой старины, но живая книга, способная и сейчас сеять семена правды, добра, человеколюбия.

Секрет воздействия «Курала» на тамильском языке не только в глубине и богатстве его содержания, но и в поразительном, можно сказать, магическом звучании стиха. Великолепные аллитерации, удивительные по своей музыкальной тонкости аккорды и диссонансы, искуснейшая игра слов в сочетании с необычайной сжатостью, спрессованность языка—все это сверкает, словно отшлифованные грани одного из тех драгоценных камней, которыми всегда славилась Индия. Насколько удачными оказались усилия переводчика воссоздать все это на русском языке—судить читателям.

Волны времени донесли до нас плот с творением древнего индийского гуманиста, и многочисленные переводы, появляющиеся во всех странах мира,—свидетельство того, что это творение продолжает жить.

А. Ибрагимов

ПРАВЕДНОСТЬ

ДОЖДЬ

Живителен дождь, орошающий листья и корни.
Земле он амриты самой животворней.

Едящим дарует еду дождевая вода.
Она и сама для едящих еда.

*

Не будет дождя — и на мир, опоясанный морем,
Обрушится голод неслыханным горем.

*

Лишившись прибýtка — воды дождевой, ни один
Не выйдет на поле свое селянин.

*

Без устали хлещущий, дождь — разоритель, губитель,
Но в сушь он от гибели лютой спаситель.

*

Когда не роняет ни капли дождя небосвод,
Нигде ни побега травы не взойдет.

Бездонное море — и то оскудеет, коль тучи
Его не наполнят водою падучей.

Не будет дождя — и замолкнут моления богам,
Закроется всеми покинутый храм.

Не будет дождя — и аскеты прервут покаянье.
Не сможет никто раздавать подаянье.

Во всех водоемах иссякнет в бездожде вода —
И жизнь на земле прекратится тогда.

ДОБРОДЕТЕЛЬ
И
ДОБРОЛЮБИЕ

Навек возвеличит — и обогатит добродетель
Того, кто ее неуклонный радатель.

Ценнейшего клада стократ добродетель ценней.
Несчастнее нет позабывших о ней.

*

Путем добродетели следуй, дорогою блага,
А в сторону — даже и в мыслях — ни шага.

*

Лишь тот обретет добродетель, в ком совесть чиста
А кроме добра, всё — обман, суета.

*

Гнев, зависть, злоречье и похоть — вот эти четыре
Отвергни порока, царящие в мире.

*

Спеши с постиженьем добра — и на смертном одре
Бессмертного друга обрящешь в добре.

Одни — в паланкине, другие — несут их. Величье
Добра очевидно, как это различье.

Грядущим рожденьям путь преграждает гора
Всего сотворенного нами добра.

Кто предан добру — обретает желанное счастье.
Неправедный — терпит напасть за напастью.

Добру до последнего дня неустанно служи,
Душой отвратись от пороков и лжи.

ДЕТИ

На свете нет дара, желанней детей, наделенных
Рассудком живым — и к добру устремленных.

Минуют расставленных злобным пороком сетей
Родители добролюбивых детей.

Дороже, чем дети, найдется ль у нас достоянье?
Они за благие деянья — даянье.

Похлебка, которой коснулась ребячья рука,
Родителям, словно амрита, сладка.

Погладить ребенка — услада для тела и духа,
И сладостен голос ребячий для слуха.

Вкусившие сладость младенческого голоса
Не скажут, что музыка лютни сладка.

*

Как счастлив отец, если сын удостоится чести
Сидеть на совете с мудрейшими вместе!

*

Есть свойство одно у земных обитателей всех:
Не свой, а потомков им дорог успех.

*

Отрадно рождение детей, но отраднее вести
О том, что вырастут они в добродетель.

*

Долг сына — являть поведением своим образец,
Чтоб все говорили: «Счастливый отец!»

ЛЮБОВЬ

Любовь под замком не упрятать — напрасны старанья:
Ее обнаружит слеза состраданья.

Душой очерствелый — живет для себя одного,
А полный любовью — для мира всего.

В любви лишь — спасенье души, заточенной в темнице,
Где ей суждено так жестоко томиться.

Любовь, порождая сочувствия благостный жар,
Приносит нам дружбу, бесценнейший дар.

И здесь, на земле, и на небе даруя нам счастье,
Любовь утверждает свое полновластье.

Любовь — и опора творящим благие дела,
И лучшая наша защита от зла.

*

Как пагубно жгучее солнце для твари бескостной,
Добро для отвергших любовь смертоносно.

*

Отвергшим любовь нет цветенья. В душе их пустой
Все мертво, безжизненно, как сухостой.

*

Отвергшим любовь от достоинств телесных нет прока.
Ничто их уже не спасет от порока.

*

В отвергших любовь нет и проблеска жизни: они
Скелетам, обтянутым кожей, сродни.

ГОСТЕПРИИМСТВО

Лишь в гостеприимстве находят себе оправданье
Отвергшие участь аскетов миряне.

Пусть даже вкушаешь амриту — впусти поскорей
Гостей, ожидающих у дверей.

*

Гостей — и незваных — всегда принимая с радушьем,
Избавишься ты от страданий в грядущем.

*

Достойных гостей принимая с веселым лицом,
Богиню удачи ты вводишь в свой дом.

*

Хозяин, что после гостей доедает остатки,
Не сея — зерном запасется в достатке.

*

Хозяин, гостям предлагающий пищу и кров,—
Сам будет желаннейшим гостем богов.

Достоинства гостя—мерила не надо другого
Для гостеприимства, радушья благого.

Раскается тот, кто гостей не пускал на порог:
«Какими богатствами я пренебрег!»

Не любит гостей лишь глупец: он по собственной воле
Богатства отвергнул для нищенской доли.

Как нежных цветов увядает помятая гроздь,
Бледнеет неласково встреченный гость.

ДОБРОРЕЧИЕ

Приветным, сердечным то слово зовут справедливо,
Которое полно любви и правдиво.

Приветное слово дороже даров дорогих,
Не надобно мудрым дарений других.

Кто слово сердечное молвит, радушен и светел,—
Тот истинно предан тебе, добродетель.

Кто молвит сердечное слово—себя упасет
От бедности горькой, жестоких невзгод.

Сердечное, доброе слово, улыбка смиренья—
Прекраснее, чем дорогие камни.

Приветное слово—добро укрепляет в сердцах,
А зло от него рассыпается в прах.

*

Сердечное слово, добра прорастившее зёрна,
И тем, кто промолвил его, добротворно.

*

И в этом рожденье и в том, что наступит за ним,
От горестей доброречивый храним.

*

С отрадой внимал ты словам, напоенным любовью.
Зачем же теперь предаешься злословью?

*

Придется ль по вкусу разумному плод, что незрел?
Зачем же ты доброе слово презрел?

БЛАГОДАРНОСТЬ

В награду за помощь, которой не надо награды,
Вселенной пожертвовать мудрые рады.

Услуга ко времени — хоть и порою мелка —
Значеньем своим, как земля, велика.

Оплаты не ждущая помощь, будь самую скромной,—
Значеньем своим, словно море, огромна.

Услуга, хоть меньше, чем зернышко,—сутью своей
Огромна, как пальма с навесом ветвей.

Платить за услугу услугою равной неверно.
Да будет услуга нужде соразмерна!

Прославь благодарственным словом, душой возлюбя,
Того, кто поддерживал в горе тебя.

*

На семь возродений останется память благая
О том, кто тебе сострадал, помогая.

*

Не помнить о благе — мерзейшее зло на земле.
И высшее благо — не помнить о зле.

*

Одной лишь услугой загладит обидчик наш злобный
Обиды, что горькому яду подобны.

*

Простится тому, кто попрал добродетеля завет.
Прощенья услугу забывшему нет.

ВЛАДЕНИЕ СОБОЮ

Владенье собою — богам всех достоинств угодней.
Несдержанный снидет во мрак преисподней.

Обуздывай чувства, в себе подавляя разлад.
Владенье собою — бесценнейший клад.

*

Кто чувства свои обуздал в неустанном боренье —
У мудрых заслужит себе одобренье.

*

Кто, долгу послушный, себя обуздает — могуч.
Величьем своим вознесется до туч.

*

Обуздывать чувства — и нищим полезно уменье.
Богатым же это — второе именье.

*

Пять чувств обуздай, черепахе под стать, — и тогда
Тебе не страшна никакая беда.

*

Пусть ты невоздержан — язык свой держи за зубами:
Себя самого же погубишь словами.

*

Один лишь единственный — пышавший злобой — навет
Сведет все достоинства наши на нет.

*

Тягчайший ожог исцеляется поздно иль рано,
Но не языком нанесенная рана.

*

Сама добродетель дарует в пути благодать
Тому, кто сумеет свой гнев обуздать.

ТЕРПЕНИЕ

Смиренно земля принимает удары лопаты.
Пускай оскорблен — воздержись от расплаты

Обиды сноси терпеливо — губительна месть;
А лучше их память навеки отместь.

*

Верх стойкости — глупым внимать терпеливо, без злости,
Верх бедности — если не кормлены гости.

*

Ты хочешь навек сохранить совершенства свои?
Тогда нетерпенье в себе подави.

*

Немногого стоит кто гневен, несдержан, порывист.
Дороже казны золотой — терпеливость.

*

Отмстившему — радость, что минет, лишь день истечет.
Простившему — и после смерти почет.

На зло не пристало ответствовать злом в разъяренье.
Во имя добра будь добрей и смиренней.

Того, кто тебя оскорбляет, сломи, сокруши
Смиреньем своим, благородством души.

Отвергнувших мир превзойдет чистотою душевной
Внимающий гневному слову безгневно.

Блаженней отвергнувших пищу — их участь светла! —
Внимающий злобному слову без зла.

ПУСТОРЕЧИЕ

Пустыми речами терзающий слух без зазрения —
Убийственного не минует презрения.

Простительней даже друзей оскорблять, чем при всех
Выпаливать вздор, возбуждающий смех.

*

Пустыми речами — есть некий закон непреложный —
Ничтожность свою обнаружит ничтожный.

*

Свой взор отвращает добро от болтающих вздор.
Себя обрекают они на позор.

*

И муж добродетельный, чье уважаемо имя,
Себя опорочит речами пустыми.

*

Никчемные речи ведущий — полóва, труха:
Нет худшего, чем пустословье, греха.

Болтливость презренна и в наидостойнейшем муже.
Речь вздорная — речи неправедной хуже.

Вещей постигающий сущность мудрец-книгочей
Не станет вести неразумных речей.

Бездумного вздора не выпалит и ненароком
Провидящий истину внутренним оком.

Да будет исполнена смысла глубокого речь!
Бессмысленной — разум велит пренебречь.

ЩЕДРОЛЮБИЕ
И
ВЫПОЛНЕНИЕ ДОЛГА

Не требует ливень от нив орошаемых дани.
Не надо исполнившим долг воздаяний.

Одно назначенье и есть у богатства: оно
Служить обездоленным людям должно.

Ни в мире земном, ни в небесном нет выше служенья,
Чем помощь терпящим нужду и лишенья.

Заветный свой долг исполняя, живут мудрецы;
А все остальные — давно мертвецы.

В руках щедролюбца богатство — великое благо,
Как пруд, где не сякнет прозрачная влага.

Богатство в руках щедролюбца — как древо, для всех
Хранящее сладостный плод иль орех.

*

Богатство в руках щедролюбца — как древо в селенье,
Недужным дарующее исцеленье.

*

Хоть сам обездолен — откажет ли в помощи тот,
Кто самый насущный свой долг сознает?

*

Бедняк благородный, тоскуя, душой занеможет,
Коль помощь в беде оказать он не сможет.

*

Другим помогая в беде, не жалея ничего.
Ты беден? Продай же себя самого.

ПРИТВОРСТВО

Того, чьим рассудком презренная ложь завладела,
Высмеивают пять стихий его тела.

Украсит ли тех, кто творит преднамеренно зло,
Сияющее, словно небо, чело?

*

Муж, только лишь с виду решительный, сходен с коровой,
Себя укрывающей шкурой тигровой.

*

Как жертву свою стерегущий в засаде ловец,
Опасен в личине подвижника лжец.

*

Кто лжет: «Я отрекся от мира»,— раскается вскоре.
«Зачем я солгал?» — он подумает в горе.

*

Сокрытый личиной подвижника тайный злодей
Безжалостней самых жестоких людей.

Есть люди, которые, словно лакричное семя.
Блистают — хоть сердцем черны — перед всеми.

Есть люди — им, даже в священный поток погрузясь,
Не смыть лицемерья и подлости грязь.

Нам слух услаждает с изогнутой шейкой ситара.
Но ждем от прямого копья мы удара.

Не надо ращенья волос — и не надо бриться
Тому, кто отвергнул все зло бытия.

ПРАВДИВОСТЬ

Правдивым по праву считается только лишь слово,
Лишенное всякого умысла злого.

Неправда, которая сеет добра семена,—
Обман лишь по имени — правда она!

*

Неправда — огонь сожигающий: тела жилища —
Душа — в предумышленной лжи опалится.

*

Навек утвердится в сердцах человеческих власть
Сумевшего ложь и неправду отрясть.

*

Стремленье к правдивости благостней, чем благочестье
Со щедростью — соединенные вместе.

*

Правдивость увенчана славой, ей вечно сиять:
Она и других добродетелей мать.

*

Блажен возлюбивший правдивость — пускай никакими
Делами себя не возвысил благими.

*

Телесную грязь без труда отмывают водой,
Но дух очищается правдой святой.

*

Не всякий светильник — светильник, а только лучистый
Светильник, сияющий истиной чистой.

*

Проникнутый мудростью, знает ученый-всевед:
Достоинств, превыше правдивости, нет.

БРЕННОСТЬ

Простительно только глупцам, средь потемок бродящим,
Считать преходящее непреходящим.

Окончился танец — и тает собравшихся круг.
Вот так утекает богатство из рук.

*

Заране с богатством тебе суждено расставанье.
Истрать же его на благие деянья.

*

Как зубья пилы — незаметно бегущие дни:
Со скрежетом жизнь перережут они.

*

Пока ты еще не настигнут истомой предсмертной,
Благие деянья верши всеусердно.

*

Был жив накануне, а ныне — лишь пепел, зола.
Не смерть ли величьем наш мир облекла?

*

Не ведает смертный: хоть день проживет ли на свете,
Но замыслов хватит на тысячелетье.

*

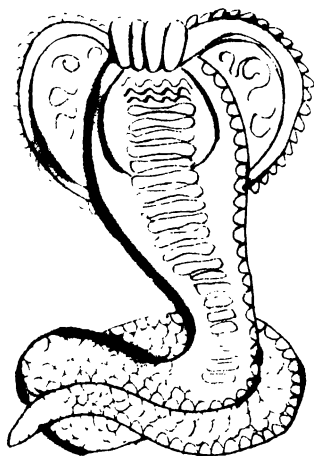
Подобно птенцам, скорлупу проклевавшим, спеша,
Темницу свою покидает душа.

*

Смерть — это лишь сон, — таково мудрецов убежденье.
А что же рожденье? От сна пробужденье.

*

Душа на земле обретает недолгий приют.
Ее обиталище — хрупкий сосуд.

МУДРОСТЬ

УЧЕНОСТЬ

Всему, что достойно, учись, не ища награжденья,—
И действуй потом, как велят убежденья.

Что, в сущности, буква и цифра? Не глаза ли два,
Которым открыта вся суть естества?

*

Лишь мудрый ученый поистине зряч. У невежды
В глазницах — две гнойные язвы, не вежды.

*

Ученых встречают приветливо, каждый им рад;
Когда же прощаются с ними — скорбят.

*

Не низок ученый, пред более мудрым собратом
Склоняющийся, как бедняк пред богатым.

*

Чем глубже колодец в пустыне — тем больше воды.
Обильны глубокого знания плоды.

Ученый как дома везде, будь он гость чужестранный:
До смертного часа учись неустанно.

Ученость, что ты обрешь в неослабном труде,—
В семи возрожденьях поддержка в беде.

Ученье — услада ученых и мира услада.
Мудрейшему клада дороже не надо.

Ученость пребудет с тобой до скончания дней.
Другие богатства — ничто перед ней.

НЕВЕЖЕСТВО

*

Ученых учить неученым, чей ум не в порядке,
Не то же ль, что в камни играть без площадки?

*

Невежда тупой, поучающий умных людей,
Подобен жене без обеих грудей.

*

И муж неученый избегнет хулений, насмешек,
Молчанье храня в окруженье мудрейших.

*

Пусть муж неученый — других превзойдет по уму,
Признанья мудрейших не ведать ему.

*

Напрасно кичится невежда — в одно лишь мгновенье
Ученый рассеет его самомненье.

*

Что проку от тех, кто ученье презрел, бестолков?
Невежды бесплоднее солончаков.

Невежды, хотя и бывают обличьем пригожи,—
На глиняные истуканы похожи.

Презрен богатей неученый: богатство — лишь тлен;
Но жребий ученого — благословен.

Невежды, высокого родом, не выше ль ученый,
Хотя и в роду невысоком рожденный?

Тому, кто учен, не читающий книг — не чета.
В своем неразумье он хуже скота.

УМ

Рассудок, от бед охраняющий, сходен с твердыней,
Врагов повергающей в страх и унынье.

Для чувств необузданных служит рассудок уздой.
Добро — вот его нерушимый устой.

*

Легко различает, что истинно или поддельно,
Рассудок, чья мощь велика беспредельно.

*

Умом наделенный — другого с полслова поймет.
И тот понимает его, в свой черед.

*

Умом наделенный — друзей выбирает с пристрастьем.
И дружбы его не ослабить несчастьем.

*

В согласии с тем, что гласит всеобъемлющий свод
Законов людских,—и рассудок живет.

*

Умом наделенный — читает грядущего знаки.
Умом обделенный — блуждает во мраке.

*

При виде опасности грозной мудрец уstraшен.
Глупец — опасений малейших лишен.

*

Умом наделенный — умеет от бед оградиться.
Несчастья врасплох не захватят провидца.

*

Пусть беден богатый рассудком — владеет он всем.
Глупец, пусть богат, не владеет ничем.

ВЫБОР ВРЕМЕНИ

С совой-полуночницей днем лишь сражается ворон.
Умеющий время избрать — непоборен.

Умеющий время избрать — огражден от невзгод.
Он цепью богатство к себе прикует.

*

Тому, кто умело избрал и орудья, и время,—
Любого деянья не тягостно бремя.

*

Замысливший мир покорить — выжидает, таясь,
Пока не наступит решительный час.

*

Умеющий выждать всемогущ; он, полный упорства,
Принудит весь мир к изъявлению покорства.

*

Порой выжиданье — к победе надежнейший путь:
Баран отбегает, пред тем как боднуть.

*

Разумный, хотя оскорблен, не покажет и виду,
Но время придет — отомстит за обиду.

*

Сгибаясь в поклоне, разумный встречает врагов,
Но время придет — не сносить им голов.

*

Дождись подходящего мига — и действуй бесстрашной,—
Лишь так ты добьешься удачи всегдашней.

*

Терпенье заимствуй у цапли, стоящей в грязи:
Удобного мига дождись — и рази.

ВЫБОР МЕСТА

Лишь выбрав удобное место, вступают в сражение.
Потерпит презревший врага поражение.

И войску могучему нужен надежный заслон:
Вернейший залог преимущества он.

*

И слабый, избрав подходящее место умело,
С врагом многомошным расправится смело.

*

Столкнувшись с умеющим место избрать для атак,
В своем торжестве разуверится враг.

*

Средь ила, в воде, нелегко одолеть крокодила.
Но выйдет на берег — и где его сила?

*

Не плавать ладье по земле. Океанскую гладь
Огромнейшей из колесниц не взрезать.

*

Удобное место избравшим для ратного спора —
Лишь смелость — иная нужна ли подпора?

*

На месте, удобном для битвы, и малая рать
Сумеет над полчищем верх одержать.

*

Безмерно опасен в стране у себя неприятель,
Хоть кажется, будто бы силу утратил.

*

Осилит и слабый шакал исполина-слона,
Увязшего в зыбкой трясине без дна.

ЖЕСТОКОСТЬ ЦАРЕЙ

*

Подобен грабителю, что промышляет убийством,
Властитель, известный своим кровопийством.

*

С разбойником, вышедшим ночью глухой на грабеж,
Властитель, людей обирающий, схож.

*

Творя беззаконье, погубит свое государство
Властитель, в чьем сердце — обман и коварство.

*

Жестоко людей утесняющий царь обречен
Утратить богатства и собственный трон.

*

Слезам народа подмытая, рухнет плотина —
Богатство несправедливого владыки.

*

Лишь истинно праведным царством царь знаменит.
Несправедливость — славу его затемнит.

Губительней лютой, весь мир опаляющей суши
Неправедного властелина бездушье.

Хоть бедным и тяжело, богатым еще тяжелей,
Когда восседает на троне злодей.

И в пору дождей не увидишь в небесном раздолье
Ни облака — если злодей на престоле.

В стране, где властитель — свирепый злодей без стыда,
Недойными станут коровьи стада.

РЕШИМОСТЬ

Богат лишь богатый решимостью, волей. Безвольный
Среди обездоленных самый бездольный.

Решимость — богатство, дарованное навсегда.
Другие богатства — уйдут без следа.

Утрата богатства — не столь уж великая горестъ
Для тех, кто решимости полн и напорист.

Решимости ль полным страшиться убытков, потерь?
Богатство само постучится к ним в дверь.

Глубоко ли озеро, лотоса стебель — мерило.
Мерило величию — решимости сила.

Стремиться, пусть тщетно, к свершенью возвышенных дел —
Решительного неизменный удел.

*

Сражается раненый слон до последнего вздоха.
Не дрогнет решительный в битве жестокой.

*

Лишенный решимости — горько обижен судьбой:
Вовеки ему не гордиться собой.

*

Могуществен слон, обладатель отточенных бивней,
Но тигр порождает в нем страх неизбывный.

*

Лишенный решимости — не человек, размазня.
Он мертв. Он подобье иссохшего пня.

ПРЕОДОЛЕНИЕ БЕД

Лишь в смехе веселом, лишь в этом надежнейшем средстве,—
Спасение от нескончаемых бедствий.

Не ведает бед, омрачающих нам бытие,
Мудрец, погруженный в раздумье свое.

Будь тверд — и какие бы беды тебе ни встречались,
Печаль удалится, сама опечалась.

Будь тверд, словно буйвол, влекущий повозку сквозь
 грязь,—
И горе отступит, само огорчась.

Будь тверд — и пускай надвигаются беды лавиной.
Ты все их осилишь отвагою львиной.

Спокойно приемлет потерю всего, нищету
Богач, осознавший богатства тщету.

*

Лишь бренное тело для горестей служит мишенью,
А дух стороною обходят лишенья.

*

Отвергшим улады, познавшим бесчисленность бед
И в горести—истинной горечи нет.

*

Отвергшим улады—нет истинной горечи в горе.
Привычно им чувства держать на запоре.

*

И враг позавидует тем, кто, владея собой,
Смирятся с самою горькой судьбой.

ДОБЛЕСТЬ

Враги, не ищите с моим повелителем встречи,
Иль окаменеете, павшие в сече.

Почетней копьем замахнуться на крупную дичь,
Чем зайца стрелой смертоносной настичь.

Отважен воитель, врагов обрекающий смерти,
Но высшая доблесть — являть милосердие.

Коль нечем сражаться, воитель, что всех впереди,
Копье извлечет у себя из груди.

Едва лишь моргнул пред копьем занесенным воитель, —
Свое поражение уже предвосхитил.

По шрамам считает дни жизни отважный боец,
И каждый ему как награда рубец.

Прекрасен воитель, не жизнью своей дорожащий,
А честью: его украшение — бесстрашие.

Пусть хмурится, зависти полный, владыка, — в бою
Умерит ли воин отвагу свою?

Бойца, что в сражение погиб, не исполнив обета,
Дерзнут ли предать осуждению за это?

Желанна и гибель, когда над сраженным бойцом
Владыка склоняется, скорбен лицом.

ДРУЖБА

Что редкостней дружбы? И есть ли надежней ограда
От града бесчисленных бед и разлада?

Как месяца серп убывающий — дружба с глупцом,
И как прибывающий серп — с мудрецом.

Нам сладостно мудрые книги читать многократно
И дружбу водить с мудрецами приятно.

Ужели у дружбы нет цели достойней забав?
Долг друга — наставить того, кто неправ.

Не частым общеньем скрепляется дружба — мы ценим
Союз, укрепленный взаимным влеченьем.

Не тот, кто лицом расцветает при встрече, нам друг,
А тот, в ком душа расцветает, как луг.

Тот друг настоящий, кто нам помогает в несчастье
И ласковое нам являет участие.

Упавшее платье рука подбирает, спеша.
Лишь вовремя помощь друзьям хороша.

Поддерживай словом и делом друзей. Без сомненья,
Для дружбы прекраснее нет примененья.

Кто дружбу при всех восхваляет, собою гордясь,—
Затопчет чистейшую преданность в грязь.

ЛЖИВАЯ ДРУЖБА

Нет участи тех, кто лжецам доверяет, печальней:
Их сплющит обман на своей наковальне.

Притворная дружба изменчивей женской души.
Довериться мнимым друзьям не спеши.

*

Пусть недруг свой ум просвещает без усталы чтеньем,—
К тебе не придет он с любовью, с почтеньем.

*

Пускай источают улыбок приветливый свет
Друзья-лицемеры — отринь их совет!

*

О чем бы тебе ни твердили друзья-лицемеры,
Запомни навек: им не может быть веры.

*

Хоть недруг с тобой говорит, словно друг,— без труда
В сладчайших словах различима вражда.

*

Пусть недруг, как лук, пред тобою изогнут смиренно,
Страшись: на уме у него лишь измена.

*

Порой и молящийся прячет в ладонях клинок.
Не верь же врагам — и простертым у ног.

*

Приветливо мнимым друзьям улыбайся, но помни:
Такие чем ласковей, тем вероломней.

*

При встречах на мнимых друзей, улыбаясь, смотри.
Но время настанет — улыбку сотри.

ГЛУПОСТЬ

Презреть добродетель, порокам своим потакая,—
К лицу ли разумному глупость такая?

Глупейшая глупость — являть необузданный нрав,
Веленья добра добровольно поправ.

Вот эти три зла составляют неумных отличие:
Бесстыдство, бездумье, еще — безразличие.

И умные книги читая, умнее не стать
Глупцам, не сумевшим себя обуздать.

За то, что глупцы вытворяют в одном возрожденье,—
Томиться им семь возрождений в геенне.

Терпеть неудачи — извечный удел простаков.
Глупцам уготовано бремя оков.

Глупцы-богачи безрассудно богатства мотают:
Чужие жиреют, свои голодают.

Глупцы-богачи, как хмельные безумцы, творят
Бесчинства, которые их разорят.

И дружба с глупейшими не лишена услажденья:
С такими прощаешься без сожаленья.

Общенье с мудрейшими — не для глупцов-пустомель.
Так чистая — не для немытых постель.

ТАЙНАЯ ВРАЖДА

Бывает, для нас вредоносны вода и прохлада
И друга объятья — опаснее яда.

Врагов, что подобны мечам обнаженным, страшной
Укрывшиеся под личиной друзей.

*

Как острым ножом рассекают горшечники глину,
Враги поражают доверчивых в спину.

*

Скорее родных, затаивших вражду, обезвредь.
Да зла не посеют, коварные, впредь.

*

Родных, затаивших вражду, берегись. Чуть доверься —
Тебя уничтожат лишенные сердца.

*

Погибелью лютой грозит, состраданья чужда,
Предателей — родичей близких — вражда.

*

Подобен сосуду и крышке (хоть вместе — раздельны)
Тот род, где раздор поселился смертельный.

*

Тот род, где раздор поселился, забудет родство:
Вражда, как подпилок, источит его.

*

В разладе — пусть малом, как трещина в зернышке проса, —
Великих несчастий таится угроза.

*

Спокойнее жить со змеею в одном шалаше,
Чем с недругом, зло затаившим в душе.

БЛУДНИЦЫ

С презреньем отвергни распутниц, алкающих денег:
Погибнет речей их прельстительных пленник.

Распутниц расчетливых, зная им цену, отринь —
Пускай на словах и святее богинь.

Коварных развратниц ласкающий— среди потемок
Ласкает тела неживых незнакомок.

Постигнувшим высшую истину мерзостен блуд.
Их, мудрых, объятья блудниц не влекут.

Мужей, наделенных умом, не прельщают объятья
Блудниц, продающихся всем без изъятья.

Кто праведен, подлинным благом своим дорожит,
Объятий надменных блудниц избежит.

*

Мужей слабодушных легко обольщают блудницы,
Чьей алчности нет ни конца, ни границы.

*

Для тех, кто некрепок рассудком, объятья блудниц
Губительнее, чем любовь демониц.

*

Объятья развратниц, лукавых и алчных,— подобье
Грозящей смертельной опасностью топи.

*

Кто любит двуличных распутниц, игру и вино —
Отвергнут богиней удачи давно.

ВЕЛИЧИЕ

Величье — в свершении дел, не свершенных доселе,
В стремлении к недостигаемой цели.

Живущие все от рожденья равны. Искони
Деяньями только различны они.

*

Не саном высокий высок, а душою высокий,
И низок лишь тот, в ком гнездятся пороки.

*

Лишь мужу, хранящему девы старательней честь,
Удастся, быть может, величье обрести.

*

Достигший величья исполнит великое дело.
Отваге и силе его нет предела.

*

Не ищет общенья с великими низкого дух,
И слух его к голосу истины глух.

*

Коль низкий случайно достигнет богатства, почета,
Бесчинства творит он, спесивый, без счета.

*

Величью сопутствует скромность; никчемность всегда
Себя превозносит, не зная стыда.

*

Величью не свойственно самодовольство тупое;
Никчемность безмерно гордится собою.

*

Безмолвствует тот, кто велик, о пороках чужих.
Ничтожество крик поднимает о них.

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Наш мир, испытавший немало, шагает за плугом:
Он труд плугаря возлюбил по заслугам.

Как ось для колес — для непашущих труд плугаря.
Занятье его почитают не зря.

Живет лишь плугарь. Остальные — его приживалы.
Мечтают: «О, как бы поесть до отвала!»

Увидит под властью своей сто зонтов государь,
Когда в государстве усерден плугарь.

Плугарь не пойдет собирать подаянье, как нищий,
Он сам наделит голодающих пищей.

Едва лишь плугарь прекратит неустанный свой труд,
Подвижничество все аскеты прервут.

Пусть вчетверо комья усохнут на пашне — сторицей
Терпенье умеющих ждать возместится.

Полезней, чем вспашка, обильно внесенный помет.
Полезней полива — забота, уход.

Возропщет, подобно супруге покинутой, скоро
Земля, оставляемая без призора.

При виде боящихся руки свои замарать
Смеется Земля, наша добрая мать.

БЕДНОСТЬ

Бедняк никогда не изведает жизни безбедной.
Несчастнее бедного кто? Только бедный.

И в этом рожденье, и в том, что настанет, во мрак
Ввергает Нуждой именуемый враг.

И самую знатную знать сокрушает пятою
Беда, именуемая Ницетою.

Нужда принижает и самую знатную знать,
Достоинство, честь принуждая ронять.

Беда, именуемая Ницетой, за собою
Горчайшие беды приводит гурьбою.

Пусть смысла глубокого полны слова бедняков,
Никто их не слушает,— мир наш таков.

От сына, что нищ — и добро попирает бесчинно,
И мать отвернется, как от чужанина.

Неужто и ныне ко мне возвратится с утра
Нужда, что едва не убила вчера?

Порой и на ложе пылающем спят бестревожно,
Но с мыслью о бедности спать невозможно.

Отвергнувший участь аскета, напрасно живет
Бедняк: от него лишь еды перевод.

НИЩЕНСТВО

Пристойно ли — даже у близких — вымаливать крохи?
Не лучше ль отвергнуть удел побирохи?

На нищенство волей своей обрекающий мир,
Да сгинет Творец, обездолен и сир!

Кто нищенством хочет покончить с извечной нуждою —
Себя обольщает надеждой пустою.

Тот нищий, который не нищенствует, обнищав,
Поистине, словно гора, величав.

И самая жидкая каша вкусна, как амрита,
Когда в изобилии потом полита.

Да ведает тот, кто просить подаянья готов:
Зазорно просить и воды для коров.

Я всех подаянья просящих прошу: не просите
У низких скупцов, чьи богатства — в сокрытье.

Погибнет корабль подаянья просящих, на риф
Отказа безжалостного наскочив.

О нищенстве думая, сердце скорбит беспредельно,
Но мысль об отказе жестоком — смертельна.

Жестокий отказ подаянья просящих сразит.
Какая ж судьба отказавшим грозит?

ПОДЛОСТЬ

Наружностью сходен подлец с благороднейшим мужем.
Как разницу, глядя на них, обнаружим?

Сколь счастлив удел подлеца, что добром пренебрег!
Спит совесть его. Ни забот, ни тревог.

*

Подлец с небожителем сходен в одном, как ни странно:
Он служит желаньям своим неустанно.

*

Ликует подлец, превзошедший других подлецов
В коварном обмане, в плетении ков.

*

Лишь в страхе пред более сильными, в виде уступки,
Подлец совершает благие поступки.

*

Быстрее глашатая все, что узнал, разгласит
Подлец, потерявший и совесть и стыд.

*

Пока не получит удар кулаком иль дубинкой,
Подлец не пожертвует риса крупинкой.

*

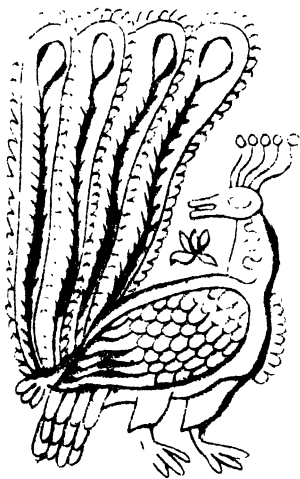
Подлец — что тростник с сахаристой влагою: он
Нам сладостен, только когда сокрушен.

*

Подлец ненавидит нарядно одетых и сытых,
Он, зависти полный, насмешкой разит их.

*

Что взять с подлеца? На бесстыдный обман лишь горазд,
Себя самого он предаст и продаст.

ЛЮБОВЬ

ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ

СМЯТЕНИЕ ПРИ ВИДЕ КРАСАВИЦЫ

Я, право, не знаю, скользящая так величаво
Красавица эта — богиня иль пава?

Прекрасна она — и грозна, как богиня, на бой
Войска увлекающая за собой.

*

Я ныне увидел, каков он, бог смерти, обличьем:
Предстал предо мной он в уборе девичьем.

*

В раздоре красавицы этой приветливый лик
Со взором, людей умерщвляющим вмиг.

*

Во взоре ее — горделивого гнева пыланье
Нежданно сменяется кротостью лани.

*

О, если бы луки бровей распрямила она —
Душа не была бы тогда сражена!

*

Безумных слонов укрощают повязкой наглазной.
Нагрудник ее — нам заслон от соблазна.

*

Всю силу мою, что разила врагов без числа,
Она сокрушила сияньем чела.

*

Бесценней стыдливости нет у нее украшенья.
Не надобны ей дорогие каменья.

*

Вино опьяняет, вливаясь струею в уста,
Но издали может пьянить красота.

ИСТОЛКОВАНИЕ ВЗГЛЯДОВ

У той, что люблю я,—двоякая сила во взоре:
И хворь насылает — и лечит от хвори.

Любимой укрادчивый взор — половина любви.
Нет, более... Только его улови!

*

Чуть взглянет — глаза опускает. Вот так, орошая
Любовь, ожидает она урожая.

*

Взгляну — потупляется, будто я ей незнаком.
Едва отвернусь — засмеется тайком.

*

Взгляну — уклоняет свой взор. Отвернусь — и поспешно
Меня награждает улыбкой утешной.

*

Пусть любящие — на словах и на вид — чужаки, —
Не скрыть им жестокой сердечной тоски.

*

И речи и взоры, таящие холод притворный,—
Вот страстью сгорающих признак бесспорный.

*

На взгляды мои отвечает улыбкой она —
И снова душа упованьем полна.

*

Встречаясь друг с другом, притворно являть безразличие —
Не это ль пылающих страстью отличие?

*

Уж если глаза говорят меж собою, нежны,—
Нежнейшие даже — слова не нужны.

СЛАДОСТЬ ЛЮБОВНЫХ ОБЪЯТИЙ

Все, чем обольщаются зренье, слух, вкус, обонянье,—
Вмещает любимой моей обаянье.

Она лишь одна унимает недужный мой жар.
Целительный мне не поможет отвар.

Не нужен мне рай, избавленье от мук приносящий.
Объятья любимой — что может быть слаще?

Таинственный пламень в груди у любимой разлит:
Вдали обжигает, вблизи холодит.

Объятья любимой, себя разубравшей цветами,
Прекрасней, чем сон, порожденный мечтами.

Объятья бесхитростной девы — бессмертья исток,
Питающий жизни зеленый росток.

*

Подобное вечному, сердце вкушает блаженство
В объятьях любимой, что вся — совершенство.

*

Грудь с грудью влюбленным отрадно плотнее сомкнуть,
Чтоб даже и ветер не мог проскользнуть.

*

Обиды, размолвки, раскаянье — вновь наслажденье.—
Все это глубокой любви порожденье.

*

Любовь — как ученье. Чем дольше любви я учен,
Тем больше незнаньем своим удручен.

ВОСХВАЛЕНИЕ КРАСОТЫ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Ты нежен, цветок аниччама, не спорю, но много
Нежнее любимая мной недотрога.

О сердце! Не знаешь, смятеньем объятое, ты:
Желанной ли это глаза — иль цветы.

Сверкает, как жемчуг, улыбка желанной — и схожа
С бамбуком ее золотистая кожа.

Смущаются лилии, перед желанной склонясь:
«Глаза у нее затмевают и нас».

Любимая носит цветы с неотрезанным стеблем,
И стан ее — ношей цветочной колыбелью.

Не в силах желанной моей отличить от луны,
Растерянны звезды глядят с вышины.

*

Ущербный твой лик, о луна, испещряют щербины,
Но нет у желанной моей ни морщины.

*

Любимой моей уподобься сияньем, луна,—
И будет тобою душа пленена.

*

О, если ты хочешь, луна, с цветоокой сравниться —
Сияй для меня одного, чаровница.

*

Лебяжьего пуха нежнее любимой стопы.
Для них и цветы аниччама — шипы.

ВОСХВАЛЕНИЕ ЛЮБВИ

Любимой уста мне даруют напиток сладчайший.
Не мед ли я пью с молоком из их чаши?

Как тело с душою, мы связаны между собой
Единою, неразделимой судьбой.

Впустите, зрачки, где безжизненный образ хранится,
Челом лучезарную, словно денница.

Жизнь — это свиданье с украшенной блеском камней,
А смерть — расставанье внезапное с ней.

Лишь тех вспоминают, кого --- хоть на миг — позабыли,
Но я позабыть о любимой не в силе.

Как море глубокое, радость любви глубока,
Но глубже глубокого моря — тоска.

*

По бурной стремнине любви я плыву, одинока;
И чудится: нет берегов у потока.

*

Весь мир усыпила наставшая ночь, и одна
Терзается вместе со мною без сна.

*

Безжалостен тот, кто покинул меня, но жесточе
Медлительный ток нескончаемой ночи.

*

О, если бы, вслед за мечтой, я к нему понеслась —
Ужели бы слезы лила я, томясь?

СУПРУЖЕСКАЯ ЛЮБОВЬ ТЕРЗАНИЯ РАЗЛУКИ

С любовным недугом я тщетно пытаюсь бороться:
От черпанья только полнее колодцы.

Ни скрыть не могу, ни открыть не могу свой недуг
Виновнику неиссякающих мук.

На жизни моей, как две тяжести на коромысле,
Любовный недуг и стыдливость повисли.

Бескрайнее море — любовь предо мной разлита,
Но нет у меня ни ладьи, ни плота.

Жестокий и в дружбе, что сделает с вражьей ордою
Воитель, пылающий лютой враждою?

Любимый из глаз не уходит. И веки сомкнуть
Боюсь я: о, как бы его не спугнуть?

Любимый — в глазах. Я теперь их не мажу сурьюю.
Боюсь, что его зачерню или смою.

Он — в сердце, в груди. Я горячего есть не могу:
Боюсь, что его невзначай обожгу.

Кругом говорят: «Он чужак — и уехал навеки».
О, как мне сомкнуть воспаленные веки?

Любимый сроднился с моею душой. Неправа,
Его «чужаком» называя, молва.

БЛЕДНОСТЬ

Любимого я не сама ль отпустила? Что толку
В досаде на бледность роптать втихомолку?

Тщеславится бледность: она-де любимого дар.
Да, верно: того, кто нанес мне удар.

Девичью мою красоту и стыдливость похитил,
Лишь бледность оставил взамен мой властитель.

Ушедшего во всеуслышанье славят уста,
Но мысли мои выдает бледнота.

Едва лишь меня покидал повелитель, бывало,—
Как бледность все тело мое заливала.

Таясь, бледнота размыканья объятий ждала,
Как ждет угасанья светильника мгла.

Едва размыкались объятия — мгновенно бледнело
Холодной истомой объятое тело.

Я слышу: «О, как у нее побледнело чело!»
Не скажут с участием: «Как ей тяжело!»

Бледна — ну и что ж? Я судьбе подчиняюсь, не споря:
Любимого лишь уберечь бы от горя.

За то, что бледна я, пускай порицают меня,
Возлюбленного моего не вина.

ВЕЧЕР

О вечер! За что ты покинутых женщин караешь?
Их жизни, безжалостный, ты пожираешь.

О вечер! Ты бледен? Ты весь истомился от мук?
Ужель и тебя изобидел твой друг?

О вечер, доныне ласкавший прохлагою росной,—
Теперь ты приходишь суровый и грозный.

Когда ты приходишь, о вечер, весь мир затемня,—
Как враг, наступает твой мрак на меня.

Дивлюсь я: за что мне от утра подобная милость
И чем перед вечером я провинилась?

Не знала я прежде, что вечер приходит с такой
Мучительной, невыразимой тоской.

Поўтру бутон лишь... Чуть ночь подкрадется неслышно,
Любовный недуг распускается пышно.

Пастушья свирель, возвещая скончание дня,
Больнее огня обжигает меня.

Лишь только закат отпылает и ночь на пороге —
Весь город, как я, изнывает в тревоге.

Живая еще — умираю, тоскуя о том,
Кто ищет богатства, покинув наш дом.

УВЯДАНИЕ КРАСОТЫ

В печали о друге ушедшем глаза отблестали,
И ныне с цветами сравнят их едва ли.

Погасший мой взор посылает безмолвный упрек
Тому, кто меня на страданья обрек.

Твердят неумолчно о тягостных муках разлуки
Мои исхудалые плечи и руки.

Утратили руки мои красоту, истончась:
Надену браслеты — спадают тотчас.

Утратили плечи мои красоту. В бессердечье
Возлюбленного укоряют их речи.

Мне горестно слышать слова осужденья вокруг:
«Бездушный — ее истерзает супруг!»

О сердце! Последуй за другом в далекие дали,
Поведай, как руки мои исхудали.

Едва лишь на миг разомкнул я объятий кольцо,
В испуге поблекло любимой лицо.

Едва лишь меж нами скользнул холодок дерзновенно —
Глаза у любимой затмились мгновенно.

Глаза у любимой затмились — и прежде светло
Сиявшее — сразу померкло чело.

ПОТЕРЯ СТЫДЛИВОСТИ

Могучая страсть разбивает, подобно тарану,
Ворота стыдливости — женщин охрану.

И ночью не знает пощады могучая страсть,
Свою надо мной утвердившая власть.

Как приступ чихания, страсть неудержна. Напрасно
Боролась я с нею вседневно, всечасно.

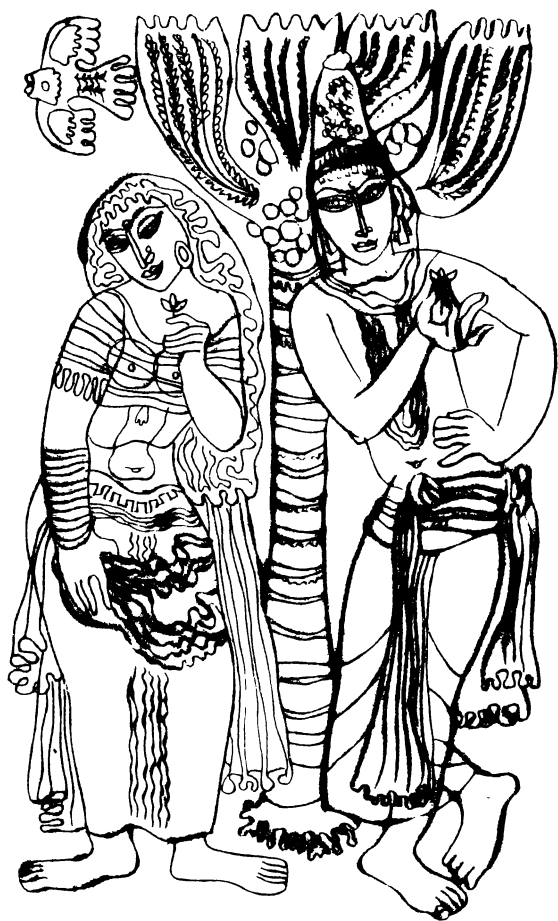
Боролась я долго, но вырвалась страсть из души.
Бушует — попробуй ее заглуши.

Всем сердцем стремлюсь я к жестокому другу: кто болен
Любовью — над волей своею не волен.

Тому, что всем сердцем стремлюсь к пренебрегшему мной,
Не ты ли, недуг мой любовный, виной?

Едва лишь объятья любимого — крепче, теснее,
Мы, жены, теряем и стыд и стесненье.

Обманщиков этих, мужчин, уговорная речь
Стыдливости щит иссекает, как меч.

Замыслила ссору, но, гнев свой нежданно утратя,
Любимого я заключила в объятья.

Мне ль думать о ссоре с любимым? Как воск от огня,
Я таю, едва он коснется меня.

РАЗГАДЫВАНИЕ ТАЙНЫХ ЗНАКОВ

Безмолствуешь ты, но заводят беседу со мною
Глаза, начерненные густо сурьюмою.

Возлюбленная затмевает всех женщин вокруг.
Прекрасна она — и гибка, как бамбук.

В глазах у любимой, как нить сквозь прозрачную нанизь,
Какая-то весть проступает, туманясь.

Как запах — в бутоне, скрывается некая весть
В лице у любимой, — прочту ли, бог весть.

Возлюбленной тайная нежность — лекарства полезней.
Меня исцеляет она от болезней.

Мне мужнины ласки вещают разлуку. Опять,
Покинутой, мне суждено тосковать.

*

Браслеты, звеня на руках, истончавших от горя,
Вещают разлуку с владыкой приморья.

*

Семь дней до разлуки была я смертельно бледна.
И вот он оставил меня. Я одна.

*

Прощаясь, она поглядела на тонкие руки,
Без слов говоря: «Я истаю в разлуке».

*

Твердить о любовном недуге глазами, без слов,
Не правда ли, женский обычай таков?

ЖАЖДА ПРИМИРЕНИЯ

Над чарой вина торжествует любовная чара:
Любовь лишь — причина сердечного жара.

Любовь, вознесись, как пальмира, в небесный простор!
Да будет, как зернышко проса, раздор!

Надменный, он мной пренебрег, но к нему поневоле
Стремился мой взор, потемневший от боли.

Я ссоры искала, подруга, но к миру влеклась
Душа, над собой потерявшая власть.

Когда я с любимым — забыты его прегрешенья.
Чуть виден вблизи карандаш для сурьмленья.

Когда я с любимым, не вижу пороков его.
Расстанусь — и нет, кроме них, ничего.

Завязывать ссору не то же ли, что в непогоду
Бросаться в бурлящую яростно воду?

Меня, как пропойцу — хмельного напитка струй,
Влекут, вероломный, объятия твои.

Любовь — словно чаша цветка, что колыхается хрупко.
Немногие пили из этого кубка.

Глаза ее — искры метали, но гнева сильней
Пылало стремленье к объятиям в ней.

СЕРДЦЕ

О сердце! Ты знаешь, кто нашим страданиям виною.
Тогда почему же ты с ним, не со мною?

О сердце! Ты знаешь, что в сердце его — только ложь.
Зачем же к нему так доверчиво льнешь?

О сердце! И ты, вероломное, мне изменило.
Нет друга. Ничто мне на свете не мило.

О сердце! Ты молча прощаешь обиды ему.
Отныне советов твоих не приму.

Ты, сердце, печально в разлуке, при встрече — печально:
Мой друг не уехал бы в край чуждадьный.

Лишь вспомню о том, кто уехал в далекую даль,—
Ты, сердце, меня повергаешь в печаль.

Ты, глупое сердце, любимого не разлюбило.
С тобою я стыд и стесненье забыла.

О сердце! Ты жизнелюбиво, полно доброты.
Презрело презренье любимого ты.

И ты, о неверное сердце, со мною в раздоре?
К кому ж обращусь за поддержкою в горе?

И ты, о неверное сердце, со мной не в ладу?
Неужто в других я поддержку найду?

РАЗМОЛВКИ

Увидев, как примет любимый твое прекословье,
Узнаешь ты, впрямь ли он болен любовью.

Как пища без соли — любовь без размолвок, обид;
Но помни всегда: пересол повредит.

Напрасно я жду утешений... Нахмурясь сурово,
Ты боль растравляешь все снова и снова.

Разжать не желая презрительно стиснутых уст,
Ты губишь любви засыхающий куст.

Достоинств исполненный муж без обиды глубокой
Внимает упрекам жены цветоокой.

Любовь без размолвок, как плод незрелый, кисла.
Для сладости надо ей гнева и зла.

Размолвки — кратчайшие — тягостны без уверенья,
Что скоро наступит пора примиренья.

Что толку в печали, снедающей душу мою?
Не знаю, кому я ее изолью.

Приятней вода из пруда, осененного тенью.
Размолвки возлюбленным — лишь к услажденью.

Любовь лишь повинна, что сердцу желанней всего
Та женщина, что истомила его.

РЕВНОСТЬ

Глазами тебя поедают все женщины жадно.
Неверный! Отвергну тебя беспощадно.

Чихнул он в надежде, что молвлю ему: «Будь здоров»,—
Но я промолчала. Был взгляд мой суров.

Когда я себя украшаю цветами сириса,
Ярится она: «Для кого ты рядишься?»

«Люблю больше всех!» — я однажды воскликнул... Мрачна,
«Кого это — всех?» — спросила она.

Поклялся: «Люблю до кончины!» Она мне: «Изменник!
Кого ж ты полюбишь в грядущих рожденьях?»

«Я думал сейчас о тебе», — говорю я. «Вот диво!
А раньше о ком?» — проворчала строптиво.

Чихнул я, она разрыдалась, а в голосе злоба:
«Должно быть, тебя вспоминает зазноба?»

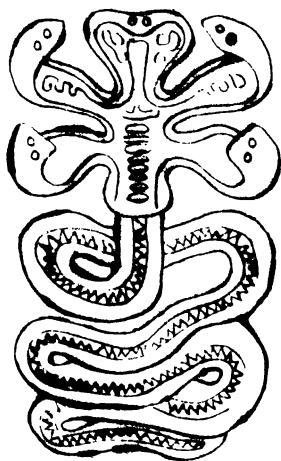
Чиханье сдержал я, она — не добрее ничуть:
«Ты, видно, задумал меня обмануть?»

Пытался утешить ее — только повод для спора.
«Ты всех утешаешь, — твердит, — без разбора».

Взглянул на нее — вновь обида и слезы рекой:
«Меня ты сравнил, признавайся, с другой!»

КОММЕНТАРИИ

В основу настоящего перевода легли следующие издания:

- 1. М. Варадараджан, Тирукурал. Мадрас, «Тиру-
нельвели тенниндия сайваситтанда нурпадиппы кажахам»,
1967.**
- 2. Г. Ванмиканадан, Тирукурал. Тиручирапалли,
«Тирукурал праچار сангх», 1969.**

3. А. Чакраварти, Тирукурал. Мадрас, «Дайосезан пресс», 1953.
4. Паримельажар, Тирукурал. Мадрас, «Пажанийappa бирадерс», 1967.

Поэтический перевод «Курала» по многим причинам, и прежде всего из-за необыкновенной лаконичности языка, с которым в этом отношении не может спорить ни один из современных языков, представляет собой дело чрезвычайно трудное, тем более что еще не накоплено опыта эквилинеарного воспроизведения подлинника. Известные переводчики «Курала» на английский язык Поуп и Эллис шли по пути увеличения количества строк. Такой путь чреват серьезной опасностью. Чуть-чуть «разбухает» перевод — и сразу же теряет свою афористичность. Естественно, что принцип эквилинеарности требует некоторых жертв, неизбежных хотя бы потому, что логика построения поэтического образа нередко требует пояснения тут же, в строке. Однако бережное отношение к подлиннику предполагает отсутствие навязчивого толкования. Несмотря на усилия комментаторов, многое в этом памятнике остается непонятным, малопонятным или допускает различное толкование. Читатель имеет право найти собственное решение каждого уравнения-курала.

Буквальное метрическое воспроизведение тамильского стиха на русском языке невозможно. В куралах обычно употребляется начальная рифма, либо первое слово первой строки рифмуется с предпоследним словом или последним в той же строке. Исходя из требований афористичности, переводчик пользовался конечной рифмой, сохраняя иногда и систему рифмовки первой строки. Вторая строка, как и в подлиннике, короче первой.

ПРАВЕДНОСТЬ

Стр. 17. *Амрита* (по-тамильски «амиждам» или «амирдам») — животворный напиток бессмертия, по преданию, добытый богами во время пахтанья молочного океана.

Стр. 20. *Добродетель* — «арам» (тамильский эквивалент санскритского слова «дхарма»), обозначает следование религиозным обычаям, законам, долгу.

Стр. 22. *Грядущим рождениям путь преграждает гора// Всего сотворенного нами добра...* — По индуистским представлениям, каждое существование — длинная цепь перерождений. Избавление от этих перерождений является высшей целью человека праведного.

Стр. 26. *Любовь* — здесь: любовь к своим ближним, ко всему существу.

Стр. 28. *Тварь бескостная* — по толкованию комментаторов — червь.

Стр. 29. *Лишь в гостеприимстве находят себе оправданье*//*Отвергшие участь аскетов миряне...* — По индуистской религии, жизнь правоверного индуса должна состоять из четырех периодов — ашрамов: брахмачарья (период обучения, до женитьбы), грихастха (период семейной жизни), ванапрастха (период отхода от дел) и саньяса (период уединения и поисков «божественной истины»). Смысл курала таков: если что-нибудь и может оправдать человека, который не стал аскетом в предписываемое для этого время, — то только гостеприимство.

Стр. 30. *Богиня удачи* — Тирумахаль (Святая Дщерь), Лакшми, богиня удачи, счастья и богатства.

Стр. 38. *Семь возрождений...* — Согласно индуистским представлениям, в зависимости от праведности или неправедности своего поведения каждое существо может возродиться в семи формах: неподвижные предметы (деревья, скалы), ползучие гады, рыбы, птицы, звери, люди и боги.

Стр. 40. *Черепахе под стать...*— Человек, обуздывающий пять своих чувств, сравнивается, по-видимому, с черепахой, вбирающей в панцирь лапы и голову.

Стр. 44. *Отвергнувшие мир*— аскеты, отшельники.

Отвергнувшие пищу— аскеты, отшельники, умерщвляющие плоть постом.

Стр. 51. *Древо в селенье, // Недужным дарующее исцеленье...*— Дерево, различные части которого— листья, кора и т.д.— используются для приготовления лекарств.

Стр. 52. *Пять стихий*— земля, вода, эфир, воздух, огонь.

Сияющее, словно небо, чело.— В подлиннике: «высокая, как небо, наружность» (обличье). Некоторые комментаторы переводят слово «тотрам» (наружность) как наряд, одежда.

Стр. 54. *Лакричное семя*— кундри, плод индийского лакричного дерева. Обычно бывает видна лишь красная глянцеви́тая сторона семени, черная скрыта.

Ситара— струнный инструмент.

Не надо рашенья волос — и не надо бритья // Тому, кто отвергнул все зло бытия...— Намек на две секты аскетов.

Одна из них отпускала длинные волосы, другая, наоборот, выбривала голову наголо. Смысл курала: внешние проявления благочестия ни к чему человеку истинно благочестивому.

МУДРОСТЬ

Стр. 66. *В камни играть без площадки...*— Имеется в виду азартная игра в камни, для которой расчерчивается наподобие шашечной доски площадка определенных размеров. Без такой площадки игра приобретает хаотический, беспорядочный характер.

Стр. 88. *Иль окаменеете, павшие в сече...*— Некоторые комментаторы переводят: «Места вашей гибели будут отмечены камнями».

Стр. 97. *Порой и молящийся прячет в ладонях клинок...*— Молясь, индусы складывают вместе ладони. Между этих сложенных вместе ладоней может таиться клинок, предупреждает автор.

Стр. 99. *Бесстыдство, бездумье, еще—безразличье...*— В подлиннике: «бесстыдство, нестремление (к добру), отсут-

ствие любви, несоблюдение (достойного соблюдения)». Все слова близки по звучанию: «Нанмей, надамей, наринмей, йадондрум пенамей».

Стр. 100. *Как хмельные безумцы*—то есть безумные люди, которые к тому же еще напились вина.

Стр. 112. *Увидит под властью своей сто зонтов государь...*—Зонт в древней Индии—символ царской власти. Смысл первой строки курала таков: государь увидит под своей властью сто царей.

Стр. 116. *Отвергнувший участь аскета, напрасно живет//Бедняк: от него—лишь еды перевод...*—В тексте: «Бедняк, не имеющий ничего за душой, но не отвергающий этот суетный мир, несет гибель соли и кади (соседей, окружающих)». Кади—перебродивший напиток, который пьют бедные. Остатки риса заливаются водой для предохранения от порчи. В эту—слегка перебродившую—воду добавляют соль. По мнению автора, бедняку, не имеющему ничего за душой, лучше всего сделаться аскетом.

Стр. 118. *Зазорно просить и воды для коров...*—Коровы считаются в Индии священными животными. Но даже и для них, говорит автор, зазорно просить милостыню.

Стр. 121. *Быстрее глашатая все, что узнал, разгласит...*— В подлиннике: «Подобно барабану, разгласит». Глашатаи объявляли то, что им поручено было объявить, под барабанный бой.

Стр. 122. *Пока не получит удар кулаком или дубинкой, // Подлец не пожертвует риса крупинкой...*— Представляется любопытным привести здесь точный текст: «Подлец, если и махнет влажной (по объяснению комментаторов, покрытой остатками риса) рукой, то только в сторону тех, кто может ударить его.

ЛЮБОВЬ

Стр. 126. *Бог смерти*— Яма, похищающий души умерших.

Стр. 127. *Безумных слонов укрощают повязкой наглазной...*— Во время амока (течки) слонам завязывают глаза, так как в это время они опасны для окружающих.

Стр. 134. *Аниччам*— «недотрога», цветок настолько нежный, что осыпается, даже если его только понюхать.

Стр. 137. *Восхваление любви.*— Первые пять куралов в этой главе приписываются герою, последние пять—героине.

Стр. 138. *Впустите, зрачки, где безжизненный образ хранится, // Челом лучезарную, словно денница...*—Курал труден для понимания и допускает двоякое толкование: «Мне мало только созерцать любимую, я хотел бы, чтобы она через глаза вошла в мое сердце», либо: «Зрачки, где хранится безжизненный образ (другой женщины), впустите мою любимую».

Стр. 150. Увядание красоты.—Первые семь куралов приписываются героине, остальные—герою.

Стр. 157. Разгадывание тайных знаков.—Первые пять куралов приписываются герою, последующие три—героине, девятый—подруге героини и десятый—герою.

Стр. 160. Жажда примирения.—Первые семь куралов приписываются героине, восьмой—ее наперснице, два последних—герою.

Стр. 163. Сердце.—Первые восемь куралов приписываются героине, остальные—герою.

Стр. 166. Размолвки.—Первые два курала приписываются наперснице героини, третий и четвертый—ей самой, а все остальные—герою.

Стр. 169. Ревность.— Первые два курала приписываются героине, все остальные — герою.

Чихнул он.— По тамильскому обычаю, сохранившемуся до сих пор, чихнувшему желают долгих лет жизни. Существует также примета, что, если кто-нибудь чихнет, это означает, что о нем думают.

Стр. 170. *Сирис* — дерево с белыми цветами.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТИРУКУРАЛ

<i>А. Ибрагимов. На плоту времени.</i>	5
--	---

ПРАВЕДНОСТЬ

Дождь	17
Добродетель и добролюбие	20
Дети	23
Любовь	26

Гостеприимство	29
Доборечие	33
Благодарность	36
Владение собою	39
Терпение	42
Пусторечие	46
Щедролюбие и выполнение долга	49
Притворство	52
Правдивость	55
Бренность	58

МУДРОСТЬ

Ученость	63
Невежество	66
Ум	69
Выбор времени	72
Выбор места	75
Жестокость царей	79
Решимость	82
Преодоление бед	85
Доблесть	88
Дружба	91
Лживая дружба	95
Глупость	98

Тайная вражда	101
Блудницы	104
Величие	107
Земледелие	111
Бедность	114
Нищенство	117
Подлость	120

ЛЮБОВЬ

ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ

Смятение при виде красавицы	125
Истолкование взглядов	128
Сладость любовных объятий	131
Восхваление красоты возлюбленной	134
Восхваление любви	137

СУПРУЖЕСКАЯ ЛЮБОВЬ

Терзания разлуки	141
Бледность	144
Вечер	147
Увядание красоты	150

Потеря стыдливости	153
Разгадывание тайных знаков	157
Жажда примирения	160
Сердце	163
Размолвки	166
Ревность	169
Комментарии	175

Тирукурал.

Т 44

Праведность. Мудрость. Любовь. Избранные афоризмы. Пер. с тамильск. А. Ибрагимова. М. «Худож. лит», 1974

192 с.

«Тирукурал» — прославленный древнетамильский (южноиндийский) сборник поэтических двустиший-афоризмов VII в. Валлювар, полулегендарный творец «Тирукурала», создал целый свод нравственных правил, не устаревших и по сей день. Наставления его образны, поэтичны. Особенно прекрасна его своеобразная поэма о любви, слагающаяся из отдельных, как бы не связанных между собой двустиший.

На русском языке стихотворный перевод «Тирукурала» издается впервые.

70404-329

Т 205-74

028(01)-74

И (Инд.)

ТИРУКУРАЛ

**ПРАВЕДНОСТЬ
МУДРОСТЬ
ЛЮБОВЬ**

Редактор
Г. Ярославцев
Художественный редактор
Ю. Коннов
Технический редактор
С. Журбицкая
Корректоры
Н. Шкарбанова
и Д. Эткина

* * *

Сдано в набор 27/IX 1973 г.
Подписано в печать 19/VII 1974 г.
Бумага офсетная. Формат
 $70 \times 90^{1/32}$
6 печ. л. 7,002 усл. печ. л. 2,511
уч.-изд. л.
Тираж 25 000 экз. Заказ 866
Цена 1р. 10к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени
А. А. Жданова Союзполиграфпро-
ма при Государственном комитете
Совета Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной
торговли.

Москва, М-54, Валовая, 28

70404-329
Т 205-74
028(01)-74

